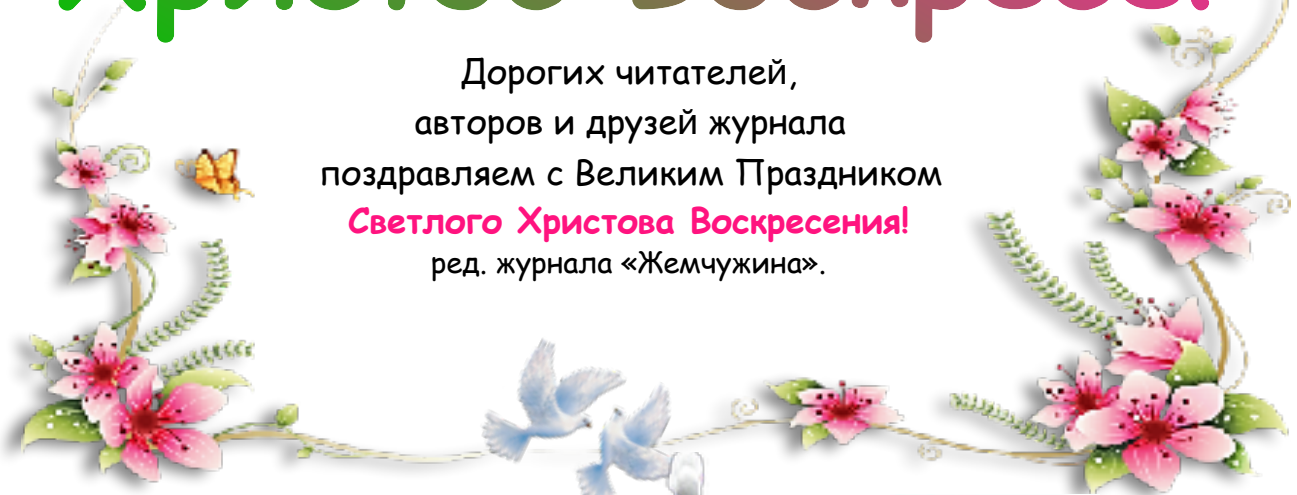

Христос Воскресе!

Дорогих читателей,
авторов и друзей журнала
поздравляем с Великим Праздником
Светлого Христова Воскресения!
ред. журнала «Жемчужина».

Верую!..

В години кровавых смут и невзгод
Я верю в Россию! - я верю в народ!
Я верю в грядущее радостных дней
Величия и славы отчизны моей!
Я верю, что годы страданий пройдут,
Что люди свое окаянство поймут,
И буйную злобу и ненависть вновь
Заменил взаимная наша любовь.
Я верю, что в блеске воскресных лучей
Заблещут кресты златоглавых церквей.
И звон колокольный, как Божьи уста,
Вновь будет сзывать нас в обитель Христа.
Я верю - из крови, из слез и огня,
Мы встанем, бывшее безумье кляня,
И Русью Святой будет править, как встарь,
Помазанник Божий - исконный наш Царь.

Сергей Бехтеев

г. Ницца, 10 окт. 1937 г.

Говорят про Россию - убогая...

А она отвечает: «У Бога я
Под всевидящим оком отмечена
Вот такая, как есть: человеческая,
Прямодушная, сильная, светлая.
Это ваша беда, что заметно вам
Лишь худое, недоброе, стылое -
Значит в вас поселилось унылое,
Неправдивое и спесивое,
Бездуховное, некрасивое.
Чтоб ни делала, всё опорочите,
И не верите мне, и не прочтите.
Но не так всё, и знайте - у Бога я
Не забытая, не убогая,
Не постылая, а любимая,
Небесами извека хранимая...»

Анна Опарина

У ног Христа

*Прошу не прощенья – нет!
И думать о том не смею я.
Дай глаз Твоих видеть свет,
В котором вечности веянье.
Слова Твои, точно мёд, -
Их сердцем вливаю страстно я;
Пусть тело моё умрёт
Во имя Твоё прекрасное.
У ног Твоих сладко быть
Мне мукой моей встревоженной.
Позволь же мне их омыть
Своими слезами, Боже мой.*

Вера Кондратович. Харбин, 1945 г.
«Лира. Книга девяти поэтов».

“Придёт время и люди сойдут с ума. Того же, кто остался разумным, будут называть умалишенным, потому что он не такой как они.”

† Преп. Антоний Великий

ЦАРСКИЙ КРЕСТ

*Яко прежде даже петель не возгласит, отвержишися мене трикраты.
И изшед вон плакася горько. (Еванг. от Луки, гл. 22, ст. 61 и 62.)*

Служа Царю беспечно и небрежно,
Ему не жертвуя ничем и ничего,
Любили ль вы Его восторженно и нежно,
Болели ль вы душой всечасно за Него?

И в памятные дни пред смутой всенародной,
Когда Он всех нас звал к святыням алтаря,
Откликнулись ли вы на голос благородный
Многострадального, Пресветлого Царя?

Пошли ли вы в поля кровавой брани,
Чтоб грудью разогнать нахлынувшую тьму?
Вы принесли ль лепту посильной вашей дани,
Вы помогли ль душой и разумом Ему?

Что делали вы все, когда, один, с врагами,
Приехав в буйный Псков, по рельсам Он бродил,
И белый вешний снег алмазными звездами
Его чело печальное крестил?

Где были вы? - вы, рыцари присяги!
О, почему в тот миг, отвагою горя,
Не обнажили вы свои мечи и шпаги,
Чтоб ими защитит несчастливого Царя!

И на глазах у вас вошли к Нему злодеи,
И бармы и венец покорно Он отдал,
И в Царское Село стекались фарисеи,
И пьяный гарнизон Монарха оскорблял...

Тянулись мрачно дни, и раннею зарею
От синих гордых волн красавицы Невы
Отправили в Сибирь Его со всей Семьею;
О, в этот миг негодовали ль вы?

О, думали ль тогда вы о Его спасеньи?
Надеялись ли вы на что и на кого?
Готовили ль в те дни, в тревоге и в волненьи
Заветный план, чтоб выручить Его?

Что делали вы все, забыв Его заслуги?
Пытались ли Его из каторги спасти?
Вы помогли ль ему, как преданные слуги,
Тяжелый Крест по торжищам нести?

Святой Семьи страдания и муки
Не возмутили в вас ваш за костельный дух:
Подсев к костру, вы молча грели руки
И ждали, притаясь, как запоет петух...

И Он погиб, убитый палачами,
Он, шедший в мир для мира и добра.
А вы! вы плакали ль бессонными ночами
Слезам горькими Апостола Петра?

Сергей Бехтеев. Королевство СХС. 1922 г.

*Как жалок шут на троне короля!
Как глуп народ, который то позволил!" (Роберт Берис)*

Основы христианской культуры

2. ПРОБЛЕМА ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Не следует думать, будто мы уже пережили этот кризис, будто он уже за плечами. Нет, он только начался. Подлинная и глубокая, искренняя и цельная христианская религиозность не возродится так легко и скоро, от одной растерянности и страха; она возродится только от искренней тоски по Божьему лону, через любовь, обновленное созерцание и мудрость. Чуть ли не полмира болеет «просвещенным безбожием» и не ищет иного, и не умеет искать. Этим людям достаточно своего света, а о том, что настоящий духовный свет есть свет Божий, к Богу ведущий, Его показующий, – они и не помышляют. И за это «просвещенное безбожие», породившее ныне на наших глазах мировое революционно-коммунистическое движение, людям наверное придется расплачиваться, ибо творческая сила и духовная сопротивляемость современного человечества подорваны его беспочвенностью.

И вот, в самом разгаре этого великого духовно-религиозного кризиса перед нами встает проблема христианской культуры.

Как возможна ныне христианская культура, когда образованные слои человечества уходят от христианства и пытаются увлечь за собою необразованные и полубразованные массы? Как возможна христианская культура, когда христианство не нашло доселе верного творческого примирения и сочетания с великими светскими силами, увлекающими людей: с наукой, искусством, хозяйством, политикой? И более того, когда в человеческой душе происходит странное и страшное восстание инстинкта против веры и христианства, того самого животного, разнуздывающего инстинкта, пророком которого выступил Фридрих Ницше? И когда первая же положительная сила отпора, проснувшаяся в человечестве, сила национализма, доселе не принята и не облагодатствована христианством и сама не осознала своих христианских корней?

Казалось бы, что человечеству открыты сейчас только два пути: или создать нехристианскую культуру, или же совсем отвергнуть культуру из христианских побуждений...

Не подлежит сомнению, что нехристианская культура возможна у народов нехристианской веры; такова культура ислама, конфуцианства, буддизма, синтоизма. Но народы, бывшие долго христианскими и утратившие эту веру, не приобретя никакой другой, могут делать только напрасные попытки создать культуру вне веры и Бога, т.е. безбожную культуру. Эти попытки заранее обречены на неудачу. Из них ничего не выйдет потому, что культура творится не сознанием, не рассудком и не произволом, а целостным, длительным и вдохновенным напряжением всего человеческого существа, отыскивающего прекрасную форму для глубокого содержания; значит - и бессознательными, ночными силами души и, прежде всего, инстинктом. А инстинкт способен держать и творить форму, вынашивать глубокие замыслы, вдохновляться, любить и беречь культуру лишь постольку, поскольку он приобщен духовности в порядке любви и веры. Вера есть духовный язык инстинкта. Утратить веру значит повергнуть инстинкт в немоту и бессилие или же разнуздать его. Поэтому человек без веры – или живет в отрыве от своего инстинкта, еще не разнуздавшегося по полной бездуховности и бесформенности (Запад), или же пребывает во власти своего уже разнуздавшегося инстинкта (большевизм). В отрыве от своих ночных, бессознательных сил человек будет создавать только плоские, пошлые выдумки, рассудочные выверты, мертвые трафареты; находясь же во власти своего разнуздания, он создаст только бесформенный хаос, больные химеры, извращенные сновидения наяву. Ни то, ни другое не будет культурой, потому что культура начинается там, где духовное содержание ищет себе верную и совершенную форму.

Именно такова судьба народов, утрачивающих свою исконную веру и впадающих в безверие и безбожие: они отрекаются от своей старой, драгоценной культуры и не создают никакой новой; они сходят в истории на «нет», в снижении, разложении и разврате, принимая свои больные и дурные создания за некое «новое слово» «новой культуры».

Что же остается христианину? Отвергнуть культуру из христианских побуждений? Принять такое толкование и понимание христианства, в силу которого ему нет дела до земных дел человека, до его земной жизни и земной судьбы? Решить, что Христос пришел не спасти человека, не «призвать грешников к покаянию», чтобы «обратиться им» и стать живыми, но - предоставить им гибнуть в слепоте, пошлости и разложении?

Признать это невозможно: это значило бы вложить в христианство некое чуждое ему толкование, по сравнению с которым самый последовательный буддизм оказался бы более оптимистичным и человеколюбивым; это значило бы исказить великий смысл Христова пришествия и перестать быть христианином. Ибо христианин призван не бежать от мира и человека, отвергая и проклиная их, но вносить свет Христова учения в земную жизнь и творчески раскрывать дары Святого Духа в ее ткани. А это и значит создавать христианскую культуру на земле.

Но в таком случае христианину, по-видимому, ничего не остается, как обратиться к Священному Писанию, почерпнуть из него прямые указания на то, какова должна быть христианская культура, и приступить к ее созиданию, которое необходимо уразуметь и одолеть.

Дело в том, что в Священном Писании Нового Завета никаких или почти никаких прямых указаний на то, какова должна быть христианская культура, не содержится; и, в частности, для тех сил, за которыми идет современное человечество, - для науки, искусства, собственнического хозяйства, государственности и национализма, - мы не найдем здесь ни определенных требований и правил, ни какого-либо «идеального» начертания.

В самом деле, что говорится в книгах Нового Завета, например, об изучении мира и о возможности «христианской науки»? Мы знаем, что были мудрые волхвы, пришедшие поклониться Христу (Мф 2:1-12), и был немудрый волхв, Симон, пытавшийся купить благодать за деньги (Деян 8:9-24), и еще другой волхв, Елима, наказанный от ап. Павла слепотой (Деян 13:8-11). Мы знаем, что официальные «ученые» еврейской церкви («книжники») заслужили гнев Христа и грозное осуждение (Мф 23; Лк 11:40-45 и др.); что Апостол Павел был человек начитанный и многоснающий (2 Кор 11:6; Деян 26:24) и что он советовал «отвращаться лжеименного знания» (1 Тим 6:20). Что же мы можем извлечь из этого применительно к исследовательской науке наших дней? Может ли она быть христианской?

Или, что говорится в книгах Нового Завета об искусстве, а о возможности христианского художества? Мы помним, что сказано о красоте полевых лилий и об источнике этой красоты (их «Бог так одевает», Мф 6:28-30); но мы знаем также, что в Афинах ап. Павел «возмутился духом при виде этого города, полного идолов» (Деян 17:16). Мы знаем, какой раскол и какую борьбу вызвала в Церкви проблема православной иконы (движение иконоборчества 3), и, зная все это, недоумеваем, как же отнести все это к современной живописи, музыке, скульптуре или танцу?

Казалось бы, что есть надежда найти более определенные указания по вопросу о государстве и государственной власти. И что же мы видим? Мы знаем слова Христа, сказанные Им искушавшим его фарисеям: «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф 22:16-21; Мк 12:14-17); но видим, что самое различие между «кесаревым» и «Божием» предоставлено нашему собственному «крайнему разумению». И вслед за тем невольно спрашиваем, следует ли разуметь эти слова так, что все «кесарево» чуждо Божьему и что Божие дело на земле не имеет никакого отношения к государству и политике? Мы знаем, что Христос нигде не осудил «меча», - ни государственного, ни воинского; но предрек, что «все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф 26:52). Мы помним, что Пилату власть дана была «свыше» (Ин 19:11), и знаем, что Апостолы Петр (1 Петра 2:13-17) и Павел призывали повиноваться светской власти «по совести», ибо «нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим 13:1-7); но мы видим также, что слова сии толкуются различно и что бывали и есть духовные лица, готовые признать любого захватчика власти - и разбойного, и безбожного, и сатанинского - «посланным» или «назначенным» от Бога. И невольно спрашиваем, каким же мерилom нам руководиться, созидая христианскую культуру в современном государстве?

Что находим мы в Св. Писании о собственности? Мы помним призыв Христа: «Не собирайте себе сокровищ на земле»..., «ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф 6:19-21), и «не можете служить Богу и маммоне» (Мф 6:24; Лк 16:13). Мы помним слово Его: «трудно богатому войти в Царство Небесное» (Мф 19:23-24, Мк 10:23-25, Лк 18:24-25); и другое слово: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за Мной» (Мф 19:21; Мк 10:21; Лк 18:22), «взяв крест» (Мк 10:21). И в то же время

мы видим, что среди благочестивых учеников Спасителя были и богатые люди: Иосиф Аримафейский (Мф 27:57; Мк 15:43; Лк 23:50; Ин 19:38), Никодим (Ин 3:1-21; 19:39), Капернаумский царедворец (Ин 4:46-54) и Закхей, начальник мытарей (Лк 19:1-10); и что все это относится не к собственности, а к богатству, т.е. многообильной собственности, обременяющей душу заботами. Как же провести здесь грань и установить меру? Мы видим, что Христос не заповедал предаваться заботам, - «что нам есть?» или «что пить?», или «во что одеваться?», но искать «прежде царствия Божия и правды Его», в уверенности, что «это все приложится» нам (Мф 6:19-34 и др.). И, разумея это, спрашиваем невольно, осуждается ли этим всякая хозяйственная «забота» в душе человека, неизбежно предусматривающая «завтрашний день» (Мф 6:34), забота, обнаруживающаяся в каждом посеве, в каждом производственном процессе, в каждом строении, в каждой покупке? И если осуждается, то как возможно «христианское хозяйство»? А если оно невозможно и если всякое хозяйствование оказывается христиански предосудительным, то как же возможна «христианская культура», вырастающая на основе противохристианского хозяйства?

И, наконец: мы знаем, что Христос со скорбью говорил о предвиденной им судьбе иудеев и в особенности Иерусалима (Мф 23; Лк 21), но не дерзаем ни обозначить эту скорбь как «национальное чувство», ни извлечь из нее оправдание или какие-нибудь «правила» для нашего человеческого национализма. И еще мы помним слова ап. Павла: «нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал 3:28); но эти слова мы с ясным разумением относим к вере, а не к нации: ибо нация столь же мало устраняется этими словами, сколь мало отменяется ими «мужской пол» и «женский». Итак, чем же нам руководствоваться и в этой области при созидании христианской культуры?

Таково великое затруднение современного христианина, ставящего перед собой проблему христианской культуры: он или совсем не находит в тексте Нового Завета прямых указаний и правил для своего руководства, или же находит такие общие указания, которые могут быть различно поняты и истолкованы и которые действительно находили себе различные толкования у отцов Церкви. Изучение этих толкований, выдвигавшихся в истории христианства, представляет для каждого христианина высокий и глубокий интерес, но предполагает значительную научную подготовку и оставляет ищущего или совсем без решения (вопрос о науке и о национализме), или же предлагает ему продолжать самостоятельно эти великие и мудрые поиски - каждому в меру его личных сил...

ИВАН ИЛЬИН

Белой ночью

Отцвела в овраге медуница.
Снова лето в северном краю.
Белая, как полночь, кобылица
Чешет бок об изгородь мою.

Чешет бок... И наплывает дрёма
На забор, на яблоневый сад.
Два оконца векового дома
Полусонно за реку глядят.

Ночь нежна, и ласково безлюдье.
Ровно треть июня на часах.
Называют белоглазой чудью
Тех, кто знает эти чудеса.

Чудесам тут незачем таиться.
Вот с руки доверчивой моей
Белая, как полночь, кобылица
Слизывает сахар тёплых дней.

Слижет и пойдёт своей дорогой
К тем сердцам, где всё ещё темно...
Хорошо, что Господом так много
Радости для нас припасено!

Алексей Гушан. Россия.

Земля пробудилась от долгого сна.
Явилась предвестница лета, -
О, как хороша ты, младая весна!
Как сердце тобою согрето!

Люблю я простор этих ровных полей,
Люблю эти вешние воды.
Невольно в душе отразилась моей
Краса обновлённой природы.

к Д

Сибирский поэт Георгий Николаевич Кольцов

Г.Н. Кольцов родился в с.Буреть Боханского района Иркутской области (9.04.1945 - 7.03.1985 г.г.). Автор сборников стихов "Корни кедра" 1975 г. Иркутск, "Спасательный круг" 2017 г Москва и "Неизбывная сила родства" 2020 год г. Иркутск. Закончил Литературный институт им.Горького в 1976 году. Трагически погиб в возрасте 39 лет в 1985 году в Кашире Московской обл. там и похоронен. Его стихи были опубликованы не только в России в журналах "Смена", "Звезда", "Советский воин", "Берега", "Дальний Восток", "Сибирь", "Наш Современник", "Подъём", "Молодая гвардия", "Москва", "Крым" и т.д. но и за рубежом - в Америке, Германии, Австралии, Канаде, Англии, Чехии. С 2017 года ежегодный литературный конкурс поэтов и прозаиков ЛИТО "Зодиак" в г.Кашире носит его имя. В 2019 году на доме, где жил поэт установлена мемориальная доска. Книга стихов брата "Неизбывная сила родства" названа региональным отделением СП Иркутской области "Лучшая книга стихов года 2020". За стихотворение "У могилы неизвестного солдата" стал лауреатом конкурса "Золотое перо Руси"!

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

*Его зарыли в шар земной...
Сергей Орлов*

А на земле ручьи звенели,
Цвела сирень,
Старела мать...
Ему б сейчас лежать в постели,
А не на площади стоять.

Продут позёмкой
Зимний вечер.
Проулки, улицы - пусты.
И стынут каменные плечи
Под плащ-накидкой темноты.

Его в Орле
или в Иркутске
Ждать перестали земляки.
Ему бы сесть,
Переобуться
И, похоронке вопреки, –

В тот край,
Где пролетело детство,
Вернуться на исходе дня,
В избе родимой отогреться,
А не у Вечного огня.

СЛЕПОЙ

В огне бомбёжки,
В адском скрежете
Навеки свет в глазах потух...
Так обострила тьма кромешная
Его обыкновенный слух,

Что научился он по голосу
Определять прохожих рост,
Как поле - по шуршанью колоса,
Сентябрь - по шелесту берёз.

Бесшумной палочкой бамбуковой,
Что верной спутницей была,
Не мостовую он простукивал –
Гремел во все колокола.

Звонил о братьях по оружию!
Как будто бы из-под земли
Неумирающие души их
На стук откликнуться могли.

Пожгла, сломала, исковеркала
Подлесок жуткая гроза...
А иногда во сне,
Как в зеркале,
Он видит вновь свои глаза.

НА ВАГАНЬКОВСКОМ КЛАДБИЩЕ

Прохладно было. Сыро по-осеннему.
И листья в скверах дворничихи жгли.
Мы шли на день рождения к Есенину.
На кладбище Ваганьковское шли.

Шли пионеры, старики и женщины.
Тут, в напряженье каждого держа,
Вселялась в нас чуть грустно и торжественно
Бессмертных строк открытая душа.

Мы круг тесней у памятника сузили –
И, приглушая в голосе металл,
Читала женщина: «Поэтам Грузии»,
А я «Письмо от матери» читал.

О чем-то о своём вдруг всхлипнул пьяница,
А старый клён листвою прошумел,
Что, кто к стихам, хоть грубовато, тянется,
Тот нежность сохранить в себе сумел.

Смеркалось быстро. Каждому, наверное,
Хотелось с ним побыть наедине...
Мы отошли. Открыв бутылку «Вермута»,
Глазами отыскиали в стороне

Неровно листопадом занесенную
Могилку безымянную с крестом
И выпили. Сначала за Есенина
И за Россию"матушку потом.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МОЕЙ МАТЕРИ

Самолёт у трапа замер.
Взгляд скользнул по землякам -
Воспалёнными глазами
Я тебя среди них искал.

Подойду сейчас поближе
И, как в прошлую весну,
Ту слезу, что ветер выжал,
С твоего лица смахну.

Не один, а с младшим братом
В зал, где ты ждала, войду.
Там в полёт зовёт с плаката
Серебром обшивки «ТУ».

Близость встречи или ветер
Подгоняют торопя...
Неужель на этом свете
Больше нет уже тебя?!

Вышло так, что мы с годами
Разлетелись кто куда.
А вернуться опоздали
Не на день. А навсегда.

Как бы падать ни спешило
Под колёса полотно,
Довезти к тебе машина
Не успела всё равно...

В темноте белеет ставень.
Брату что ль в конце пути
Это право предоставить -
В двери первому войти?

Но, ссутулившись угрюмо, -
Отрешённо одинок -
Он о том же самом думал,
На родной взойдя порог.

В нетерпенье - не в испуге -
Он потребовал: «Входи»,
Чтоб скорей увидеть руки
На твоей сухой груди.

Так частенько ты держала
В них, задумавшись, иглу.
А теперь в цветах лежала
Под иконкою в углу.

Настрадавшееся тело
Прикрывала простыня.
А в ногах твоих сидела
Наша близкая родня.

Причитала тётя Клава,
Как старухи в старину:
«Кто тебе, сестра, Дал право
Оставлять меня одну?»

Ни тепла в избе. Ни дыма...
Порвалась надежды нить...
Как теперь я буду мимо
Этих окон проходить?!»

Плач, ознобом пробивая,
Разгулялся по избе...
- Почему она, Живая,
Так печётся о себе?

Но когда не голосила.
Обессилевши, она,
То совсем невыносимой
Становилась тишина.

Тишины такой пугался,
Молча сам себя ругал.
Горло сдавливал не галстук -
Подступивших слёз Аркан.

Зябко вздрагивали плечи,
Хоть я к плачу не привык...
Может, вправду, Мёртвым легче,
Чем оставшимся в живых?

Телеграммы срочной выстрел
Их не ранит, не убьёт...
Мать, прости мне эти мысли.
Здесь мы с Саней. Видишь? Вот!

Поделюсь я новостями,
Что привёз издалека.
Ну а Саня вновь растянет
Для тебя огонь - меха!

Ты спляши цыганский танец,
Приглуши разлуки боль.
А захочешь, я останусь -
Буду рядышком с тобой.

Ведь тебя мне не заменят
Ни работа, ни жена...
Бьется раненым тайменем
В сетях ночи Тишина.

**Биографию и подборку стихов подборку стихов Г.Н. Кольцова
прислал брат поэта - Александр Николаевич Кольцов**

«Память возвращается, как птица...»

В 1971 году в казачьем журнале «Родимый край», который издавался во Франции, появился некролог:

«21 октября 1970 года в Калистоге (США) неожиданно скончался В.С. Коренев, казак Амурского казачьего войска. Любители отечественной литературы знают его как автора недавно вышедшей книги «На родной реке», посвященной великой дальневосточной реке Амуру, на берегах которой, в среде амурского казачества, он родился и вырос. Русская эмиграция знает его по большому числу его очерков и рассказов, помещавшихся в различных зарубежных газетах и журналах. Кончина его является большой потерей для всей зарубежной Руси».

Где-то в 2012 году мне удалось получить из Сан-Франциско эту книгу. В ту пору она была почти неизвестна в России. Сегодня книга Коренева «На родной реке» доступна в электронном виде, в том числе на сайте Дома русского зарубежья им. Солженицына. К личности этого писателя мой интерес не случайный: Василий Симонович Коренев был двоюродным братом моего деда. Я слышала о нем еще в детстве от мамы. Впрочем, совсем немного: в 1920-е годы он ушел в эмиграцию, жил в Харбине, затем перебрался в Австралию, оттуда в США...

«Да послужит мое слабое повествование памятником на утраченные могилы предков, первых пионеров и основоположников благополучия родного края», – писал Коренев в предисловии к своей книге. В числе пионеров Амурского края были и его предки.

Писатель вышел из старинного казачьего рода: по семейному преданию, род Кореневых шел от донских казаков, переселившихся в Сибирь, а затем в Забайкалье. Отсюда забайкальские казаки в середине XIX века начали заселять и осваивать амурскую землю. Летом 1858 года переселенцы из Забайкалья основали в Приамурье, в ста верстах от Благовещенска, еще одну казачью станицу – Поярково. Среди первых поселенцев Поярково был и Тимофей Коренев – дед Василия Симоновича (и мой прапрадед). Он стал родоначальником большой семьи амурских казаков Кореневых.

На Амуре Тимофей Семенович Коренев вырастил четырех сыновей: Филиппа, Симона (отец писателя), Ивана и Тимофея. Были они дружными, работающими, а потому быстро встали на ноги. Братья Кореневы завели свои мельницы, магазины, конный завод, поставляли муку на прииски Забайкалья и Амурской области. В их семье бережно хранились часы, которые подарил Т.Т. Кореневу наследник престола Николай Александрович во время своего проезда по Амуру в 1891 году. Известны Кореневы и как первооткрыватели Райчихинского месторождения угля.

У каждого из четырех сыновей основателя династии было по пять-семь детей, так что к началу 20-го столетия род Кореневых стал разветвленным и многочисленным. Сыновья основателя династии дали своим детям хорошее образование. Среди третьего поколения амурских казаков Кореневых появились специалисты с высшим образованием: врачи, инженеры, юристы.

Василий Симонович родился в 1896 году в Поярково. В 1914 году он окончил Благовещенское реальное училище, в 1917-ом – Московское землемерное училище, затем Оренбургское юнкерское казачье училище. А дальше – уже эмиграция...

Но до этого еще пройдут годы, а пока будущий писатель – просто «Васюха, малый лет десяти и гимназист первого класса» (так говорит он о себе на первых страницах книги «На родной реке»). У него – ясный пытливый ум, чуткая душа, отзывчивая на красоту природы, и неиссякаемая жажда познавать мир: «Идем в «кругосветку» – дальний вояж вокруг нашего острова, что широко и далеко раскинулся против станицы. Ближние острова давно исследованы и нам хорошо знакомы, но там, далеко, в Чуприхе, другой берег острова и другие «страны» – для нас тайна и манят своей неизвестностью».

Книга Коренева необычна. В истории казачьей литературы это редкий пример, когда речь идет не о походах и сражениях, не о громкой казачьей славе, а о том, как тихо и незаметно, среди родных просторов, «растет» детская душа. Вся книга состоит из удивительно светлых рассказов о детстве писателя, а рос он заядлым таежником, знатоком и неутомимым исследователем своего края.

По ее страницам проходят яркие образы людей, что так или иначе оставили след в душе автора. Это старые бывалые казаки и казачки, мальчишки-сверстники и

учителя, степенные мастеровые и искатели приключений, старатели, соседи китайцы... И все же главным героем книги остается Амур с его бесчисленными протоками, островами, своеобразной природой.

Школьные годы будущего писателя прошли в Благовещенске. «Наш город, возможно, кому-нибудь и скучный, но нам дорогой – родина», – писал он. Годы учебы Василий вспоминал с особым теплом. Страницы, посвященные им, полны мягкого юмора и светлой грусти о «невозвратных» днях детства и юности. Учился Коренев сначала в гимназии, потом перешел в реальное училище. В этих стенах окончательно сформировался его интерес к изучению родного края. В школьные годы Василий совершил и свою первую экспедицию на реку Селемджу в Амурской области.

Читая книгу Коренева, я не раз думала: из него бы, наверно, вышел исследователь Приамурья, замечательный писатель-путешественник и натуралист. Это могла быть та ветвь дальневосточной литературы, что так полно воплотилась в творчестве В.К. Арсеньева. Но судьба амурского казака сложилась иначе. События в книге «На родной реке» заканчиваются 1914-ым годом. А точнее, тем днем, когда в Поярково узнали о начале Первой мировой войны и началась мобилизация: «Станица уже вся на ногах. Почти в каждом доме, в каждой семье брат или муж – казак первой или второй очереди, и ему идти в поход. К вечеру стали прибывать с хуторов призывные».

На этих последних страницах книги ее автору – уже 18 лет. Позади остались детство и ранняя юность, впереди лежала жизнь, полная борьбы, лишений, скитаний. В том же 1914 году Василий Коренев уехал учиться в Москву. Но уже близилась иная времена. В 1917 году Василий окончил Московское землемерное училище и сразу был призван на военную службу. Его направили в Оренбургское военное казачье училище.

Здесь его застала Гражданская война. С 1917 года он находился в частях Оренбургского казачьего войска под командованием А.И. Дутова. С 1918 года Василий Коренев – в Благовещенске. Служил он в 1-м Амурском казачьем полку, который возглавлял есаул Н.М. Шалыгин. В своей краткой автобиографии (архив БРЭМ) Василий Симонович писал: «В 1918 году вернулся в войско и с сентября состоял в рядах 1-го Амурского казачьего полка. Первое время (семь месяцев) в чине портупей-юнкера, позже младший офицер полка».

В Амурской области противостояние красных и белых завершилось ранней весной 1920 года, тогда же офицеры Амурского казачьего войска в полном составе ушли в эмиграцию. 6 апреля 1920 года В.С. Коренев прибыл в Харбин. С этого дня началась его эмигрантская жизнь.

В 1920-х годах большая часть Кореневых (10 внуков основателей династии) оказалась в эмиграции. «Семью амурских казаков Кореневых хорошо знали многие харбинцы и жители полосы Китайско-Восточной железной дороги, – писал журнал «Родимый край». – Все они отличались атлетическим сложением, были известными охотниками, имели широкий круг знакомств в мире таежников, как среди русских, так и среди китайцев, пользовались всеобщей любовью за доброжелательство, простоту, готовность всегда помочь».

В целом на территории Китая после окончания Гражданской войны оказалось более 20 тысяч сибирских и дальневосточных казаков. Здесь, на чужбине, они сохраняли свой традиционный уклад жизни и культуру.

В Харбине Василий Коренев, как многие эмигранты, брался за любую работу. С 1922 по 1926 год он работал техником-чертежником в известной тогда фирме Скидельских на изысканиях железных дорог, в 1927 году служил в одной из строительных контор. Наконец, в 1928 году получил постоянную работу и много лет прослужил секретарем в Мулинском углепромышленном товариществе (МУТ). С 1942 года В.С. Коренев был и уполномоченным отдела БРЭМ по группе российских эмигрантов – служащих главной конторы МУТ.

Через его судьбу прошли многие грани жизни казаков в эмиграции. В 1940 году сотника Василия Коренева избрали атаманом Молодой станицы им. Семенова. Активно участвовал он и в жизни своей Амурской станицы, созданной в Харбине. С 1942 года Коренев был помощником атамана этой станицы Н.М. Шалыгина, в полку которого служил еще в Благовещенске. Кроме того, он был казначеем объединения выпускников Оренбургского военного казачьего училища, оказавшихся в харбинской эмиграции.

В 1929 году Василий Коренев женился. Его женой стала Людмила Васильевна (в девичестве – Долгих), которая родилась в Благовещенске в купеческой семье. Уже в эмиграции, в Харбине, она окончила зубоврачебную школу, работала зубным врачом. Своих детей у Василия и Людмилы не было, в семье росла воспитанница Софья Жук.

В личном деле Василия Коренева (БРЭМ) сохранилась анкета, где на вопрос «По какой специальности хотели бы работать?» он ответил так: «Хочу заняться сельским хозяйством». Мечта почти осуществилась: в 1944 году вместе с двоюродным братом Д.И. Кореневым он переехал из Харбина в Тогенский район, в станицу Ново-Покровка.

«...И я соблазнился природой одного такого прекрасного таежного уголка и в 1944 году, бросив службу на предприятии, где прослужил 18 лет, тоже подался на переселение, – писал Василий Симонович. – Но в 1945 году, с приходом Красной Армии, хлебнул там много горького, но и здесь Бог к нам, казакам, был не без милости. Первыми чинами НКВД, пришедшими к нам, были казаки-кубанцы, а свой своему, как водится, поневоле брат. Но все же никто как Бог спас нас».

В 1953 году Василий Симонович с женой переехали из Харбина в Австралию. Туда же перебрались из Харбина многие его родственники-эмигранты. Его родной брат горный инженер Илья Симонович Коренев служил заведующим угольными копиями на станции Милев. Двоюродные братья Тимофей Филиппович и Иван Филиппович Кореневы жили в Сиднее. Там же жил племянник писателя Борис Николаевич Коренев, который много лет был редактором журнала «Политехник», выходившем в Сиднее. Его жена Ольга Стефановна Коренева-Кулинич была журналистом, поэтом, автором нескольких книг.

Через несколько лет Василий Симонович уехал в США, в Сан-Франциско, где еще с 1940 года жил его родной брат доктор К.С. Коренев. Брат жил и работал врачом в Сан-Франциско, а сам он поселился неподалеку, в небольшом городке Калистога.

Здесь, на исходе жизни, Василий Симонович и писал свою книгу о далекой родной земле, любовь к которой пронес через годы утрат и скитаний. «К вам, дорогие мои читатели, – писал он, – обращаюсь я со своими скромными, но правдивыми рассказами и пытаюсь дать почувствовать, а, может быть, и пережить вместе со мной в этих воспоминаниях то прошлое свободного края, что ушло в вечность».

Книга Коренева – редкий исторический документ. Это единственное художественное произведение о дореволюционной жизни амурских казаков, написанное самим казаком, свидетелем и участником той жизни.

Конечно, река Амур в его книге носит черты «потерянного рая», связанного с утратой родины. Но в творчестве Коренева нет привычных для эмигрантской литературы трагических нот. Мир в его книге чистый, как летний день после дождя. Это был писатель светлого лирического дара, со своим негромким задушевым голосом. И если выразить кратко суть его книги, то лучше всего здесь подходят пронзительные строки Николая Рубцова:

В центре: Василий Симонович Коренев.
Братья - слева: Константин; справа: Илья
(горный инженер). Харбин, 1940-е годы.

Но моя родимая земля
Надо мной удерживает власть,
Память возвращается, как птица,
В то гнездо, в котором родилась.

На исходе жизни писатель вернулся памятью в свое родовое гнездо, в родную станицу, взглянул на них светлым благодарным взглядом и попрощался словами любви. Книга «На родной реке» вышла в 1969 году в Мюнхене, в издательстве «Посев». А на другой год автора не стало...

Отмечая вклад В.С. Коренева в литературу, журнал «Родимый край» писал: «За свою литературную работу он никогда на гонорары не претендовал, а писал исключительно, чтобы увековечить

прекрасное прошлое дореволюционной России и возбудить к нему интерес молодого поколения. Писал он искренне, точно, без высоких слов. Чувствовалось, насколько дороги были его сердцу великие российские воды, леса, просторы и населявшие их сильные духом и телом простые русские люди. На издание книги «На родной реке» он истратил немало личных средств и имел дальнейшие литературные планы, осуществление которых задержалось из-за его работы по основанию прихода Св. Симеона Верхотурского.

Да будет ему легка земля приютившей его Калифорнии!»

Татьяна Гладких (Хабаровск).

Люди

Люди,
В общем,
Мало просят,
Но дают довольно много.
Люди
Многое выносят:
Если надо — ходят в ногу,
Устают, недоедают,
Но уж если взрыв за взрывом,—
Этот ад надоедает
Даже самым терпеливым.
Люди,
В общем,
Мало знают,
Но они прекрасно чувствуют,
Если где-то распинают
И кого-нибудь линчуют.
И тогда творцов насилия
Люди смешивают с пылью,
Сбрасывают их со счёта -
Не по людям их работа!
Люди,
В общем,
Мало верят
В заклинанья, в пентограммы,
А свою мерку меряют
На фунты и килограммы,
И на ярды, и на метры.
Счёт иной еще не начат.
Люди,
В общем,
Незаметны,
Но довольно много значат!

Леонид Мартынов 1958 г.

Ещё мы живы. Но уже - не все...
И с каждым новым днём, поодиночке,
поставив многоточье вместо точки,
уходит кто-то враз и насовсем:
друзья, коллеги, близкие, родня,
соседи по подъезду и по даче -
все те, кто для меня хоть что-то значил -
уходят. В том числе - и от меня.

Ещё мы живы. Но уже - не все...
Очередная вырвана страница.
Становятся их имена и лица
зарубками у Смерти на косе.
Одной виною больше на душе -
могли успеть, но опоздали снова:
ушедшему вслед сказанное слово
не будет им услышано уже.

Ещё мы живы, но уже - не все;
и эта мысль меня слегка тревожит,
что мой последний самолёт, быть может,
уже стоит на взлётной полосе,
и Смерть штурвал сжимает в кулаках,
чтоб, мне не дав возможности проститься,
рвануться ввысь стальной блестящей птицей
и унести меня за облака.

Ещё мы живы. Но уже - не все...
Никто не знает (кроме тех, кто помер),
в какой момент Смерть выкрикнет твой номер
и остановит Жизни карусель.
Нас давит время, превращая в жмых,
мы все стареем... Так давайте ж, люди,
мы без вниманья оставлять не будем
живых! Живых. Пока ещё - живых...

Николай Лисин. Россия. 2019 г.

Круговорот

Рабочий день закончился, и толпы людей, уставших от дневной суеты, выплеснулись из дверей разнообразных фирм и фирмочек. Людская река растеклась по асфальту деловой части города, разделяясь на широкие – к метро и остановкам общественного транспорта – и более узкие потоки. Вокруг мелькали сотни одинаковых равнодушно-безразличных лиц, внезапно появляясь и мгновенно растворяясь в мельтешении часа пик. Нити судеб на мгновение перекрещивались и тут же разъединялись, не оставляя друг на друге и следа.

Метро, как живое существо, флегматично пережёвывало пищу, с механическим кляцаньем турникетов проглатывая очередную порцию людей и проталкивая её по пищеводу эскалатора туда, к поездам, которые уносили свои жертвы вглубь огромного тела этого подземного монстра.

Работая локтями и переругиваясь, перемешивалась людская масса в железном плену вагона, тщетно пытаясь занять удобную позицию. Яркими пятнами возникали и пропадали станции, наполнялись гулом тёмные тоннели перегонов, и в чередовании света и тени было что-то сюрреалистическое.

По мере удаления от центра вагоны пустели – насытившись, метро выплёвывало наружу, на свежий воздух недопереваренных, помятых в сутолоке людей. Но насыщение было временно и поутру всё повторялось снова...

15.07.2012

Александр Смирнов.

Татьяна Ларина - апофеоз русской женщины.

Она глубже Онегина и, конечно, умнее его. Она уже одним благородным инстинктом своим предчувствует, где и в чем правда, что и выразилось в финале поэмы. Может быть, Пушкин даже лучше бы сделал, если бы назвал свою поэму именем Татьяны, а не Онегина, ибо бесспорно она главная героиня поэмы. Это положительный тип, а не отрицательный, это тип положительной красоты, это апофеоз русской женщины, и ей предназначил поэт высказать мысль поэмы в знаменитой сцене последней встречи Татьяны с Онегиным. Можно даже сказать, что такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе — кроме разве образа Лизы в «Дворянском гнезде» Тургенева. Но манера глядеть свысока сделала то, что Онегин совсем даже не узнал Татьяну, когда встретил ее в первый раз, в глуши, в скромном образе чистой, невинной девушки, так оробевшей пред ним с первого разу. Он не сумел отличить в бедной девочке законченности и совершенства и действительно, может быть, принял ее за «нравственный эмбрион». Это она-то эмбрион, это после письма-то ее к Онегину! Если есть кто нравственный эмбрион в поэме, так это, конечно, он сам, Онегин, и это бесспорно. Да и совсем не мог он узнать ее: разве он знает душу человеческую? Это отвлеченный человек, это беспокойный мечтатель во всю его жизнь. Не узнал он ее и потом, в Петербурге, в образе знатной дамы, когда, по его же словам, в письме к Татьяне, «постигал душой все ее совершенства». Но это только слова: она прошла в его жизни мимо него, не признанная и не оцененная им; в том и трагедия их романа. О, если бы тогда, в деревне, при первой встрече с нею, прибыл туда же из Англии Чайльд-Гарольд или даже, как-нибудь, сам лорд Байрон и, заметив ее робкую, скромную прелесть, указал бы ему на нее, — о, Онегин тотчас же был бы поражен и удивлен, ибо в этих мировых страдальцах так много подчас лакейства духовного! Но этого не случилось, и искатель мировой гармонии, прочтя ей проповедь и поступив все-таки очень честно, отправился с мировой тоской своею и с пролитой в глупенькой злости кровью на руках своих скитаться по родине, не примечая ее, и, кипя здоровьем и силою, восклицать с проклятиями:

Я молод, жизнь во мне крепка,
Чего мне ждать, тоска, тоска!

Это поняла Татьяна. В бессмертных строфах романа поэт изобразил ее посетившею дом этого столь чудного и загадочного еще для нее человека. Я уже не говорю о художественности, недостижимой красоте и глубине этих строф. Вот она в его кабинете, она разглядывает его книги, вещи, предметы, старается угадать по ним душу его, разгадать свою загадку, и «нравственный эмбрион» останавливается наконец в раздумье, со странною улыбочкой, с предчувствием разрешения загадки, и губы ее тихо шепчут:

Уж не пародия ли он?

Да, она должна была прошептать это, она разгадала. В Петербурге, потом, спустя долго, при новой встрече их, она уже совершенно его знает. Кстати, кто сказал, что светская, придворная жизнь тлетворно коснулась ее души и что именно сан светской дамы и новые светские понятия были отчасти причиной отказа ее Онегину? Нет, это не так было. Нет, это та же Таня, та же прежняя деревенская Таня! Она не испорчена, она напротив, удручена этой пышною петербургскою жизнью, надломлена и страдает; она ненавидит свой сан светской дамы, и кто судит о ней иначе, тот совсем не понимает того, что хотел сказать Пушкин. И вот она твердо говорит Онегину:

Но я другому отдана
И буду век ему верна.

Высказала она это именно как русская женщина, в этом ее апофеоз. Она высказала правду поэмы. О, я ни слова не скажу про ее религиозные убеждения, про взгляд на таинство брака — нет, этого я не коснусь. Но что же: потому ли она отказалась идти за ним, несмотря на то, что сама же сказала ему: «Я вас люблю», потому ли, что она, «как русская женщина» (а не южная или не французская какая-нибудь), не способна на смелый шаг, не в силах порвать свои путы, не в силах

пожертвовать обаянием почестей, богатства, светского своего значения, условиями добродетели? Нет, русская женщина смела. Русская женщина смело пойдет за тем, во что поверит, и она доказала это. Но «она другому отдана и будет век ему верна». Кому же, чему же верна, каким это обязанностям? Этому-то старику генералу, которого она не может же любить, потому что любит Онегина, и за которого вышла потому только, что ее «с слезами заклинаний молила мать», а в обиженной, израненной душе ее было тогда лишь отчаянье и никакой надежды, никакого просвета? Да, верна этому генералу, ее мужу, честному человеку, ее любящему, ее уважающему и ею гордящемуся. Пусть ее «молила мать», но ведь она, а не кто другая, дала согласие, она ведь, она сама поклялась ему быть честной женой его. Пусть она вышла за него с отчаяния, но теперь он ее муж, и измена ее покроет его позором, стыдом и убьет его. А разве может человек основать свое счастье на несчастье другого? Счастье не в одних только наслаждениях любви, а и в высшей гармонии духа. Чем успокоить дух, если назади стоит нечестный, безжалостный, бесчеловечный поступок? Ей бежать из-за того только, что тут мое счастье? Но какое же может быть счастье, если оно основано на чужом несчастье?

Позвольте, представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой. И вот, представьте себе тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человеческое существо, мало того — пусть даже не столь достойное, смешное даже на иной взгляд существо, а не Шекспира какого-нибудь, а просто честного старика, мужа молодой жены, в любовь которой он верит слепо, хотя сердца ее не знает вовсе, уважает ее, гордится ею, счастлив ею и покоен. И вот только его надо опозорить, обесчестить и замучить и на слезах этого обесчещенного старика возвести ваше здание! Согласитесь ли вы быть архитектором такого здания на этом условии? Вот вопрос. И можете ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для которых выстроили это здание, согласились бы сами принять такое счастье, если в фундаменте его заложено страдание, положим, хоть и ничтожного существа, но безжалостно и несправедливо замученного, и, приняв это счастье, остаться навеки счастливыми? Скажите, могла ли решить иначе Татьяна, с ее высокой душой, с ее сердцем, столько пострадавшим? Нет: чистая русская душа решает вот как: «Пусть, пусть я одна лишусь счастья, пусть мое несчастье безмерно сильнее, чем несчастье этого старика, пусть, наконец, никто и никогда, а этот старик тоже, не узнают моей жертвы и не оценят ее, но не хочу быть счастливою, загубившей другого!».

Ф. М. Достоевский. 1880 год.

*В любовной войне побеждает тот,
кто уходит.*

На земле я искал благостыни
и покойных и зрячих дней,
но безбрежны земные пустыни,
не пройти их с душой моей.

Я искал успокоенной ласки
на горах и у гулких морей,
там, где солнце в крылатые краски
окунает верхи кораблей.

Я хотел колоситься любовью,
все отдать и не брать совсем,
чтобы меньше болело болью
на родной, на мятежной земле.

И искал я всегда благостыни
и покойных и зрячих дней.
Но безбрежны земные пустыни,
не пройти их с душой моей.

Павел Далецкий.

Кружились тихие слова
Под звуки старого рояля.
Кружилась с ними голова,
Значенья слов не созная.
Стучало сердце невпопад,
Несоразмерно такту вальса.
И, слово под гипнозом, взгляд
От глаз твоих не отрывался.
Кружилось время, всё вокруг
Смешав небрежною рукою.
И жизнь текла за кругом круг
Из текста вырванной строкою.

Валерий Румянцев.

И О С И Ф У Б Р О Д С К О М У

Засвети же свечу на краю темноты.
Я увидеть хочу то, что чувствуешь ты.
(И.Бродский)

Двадцать семь лет назад в далеком Нью-Йорке скончался Нобелевский лауреат и вечный скиталец, переживший на первом году жизни Ленинградскую блокаду, перепробовавший впоследствии все профессии - и судимый за «тунеядство»; изгнанный из Советского Союза, но упорно отказывавшийся от образа политического борца, который ему навязывали в Америке, - поэт Иосиф Бродский.

ЖАЛОБА.

Жизнь моя, на что же ты похожа?
Вещи жмут меня со всех сторон;
Кот живет теперь у нас в прихожей,
Хорошо - не африканский слон!

Стол любимый - в столбиках из меди.
Стал он кладбищем нечищенных монет,
В холодильнике избыток всякой снеди,
И варенье просочилось на паштет.

Выйду в город - всюду небоскребы,
Кажется, сейчас возьмут в полон.
Душно узникам в его стальной утробе,
В проводах гудит их скорбный стон.

Ныне и народы в беспокойстве -
Их не умещает мать-земля.
Запад и Восток в противоборстве -
В схватке лютой не умру ли я?

И тебя спрошу в своем бессилье:
Где сокрыться от миллионов глаз?
Жаль, что не имея птичьих крыльев,
Не могу взлететь на эллинский Парнас.

Есть одно лишь место на планете
И одно убежище души -
Не подумай, друг, - не в интернете -
Там уединенья не ищи.

Это мое собственное сердце -
Край нерукотворной красоты!
Вот она - спасения пещера,
Как в Эдем, сюда со мной войди.

Не закончивший советской школы, он работал в общей сложности в шести американских и британских университетах, преподавая историю литературы и теорию стиха.

Переводил поэтические труды В.Набокова на английский язык, получил международное признание как поэт и литератор, за год до кончины удостоился звания почетного гражданина Санкт-Петербурга.

Извещенный о приглашении вернуться на Родину, он сказал: «Моя лучшая часть уже там - мои стихи...»

В них литератор действительно предвкушал свой приезд, но внезапно вмешалась смерть...

Судьба человека, и к тому же поэта, - это большая тайна.

Некогда принадлежа к «ахматовским сиротам», лично общаясь с умудрённой годами и скорбями поэтессой, он нашел посмертное пристанище именно в Фонтанном доме, в ее музее, одна комната которого выделена для его личных вещей и библиотеки.

Бродский - поэт большого города, где душа зачастую осознает свою неприкаянность...

Уйти от себя не удавалось еще никому из нас. А вот отыскать в себе таинственную страну, открывающую доступ в вечность, - удел немногих.

Поэты ищут эти заветные двери, как и философы. Произведения тех и других, если написаны искренне, представляют собою авторские исповеди, но обрести искомое - под силу лишь сердцу, дышащему живой верой в Победителя

смерти - Господа Иисуса Христа.

Бродский писал о Богомладенце, но самому стать младенцем во Христе ему, увы, не пришлось...

прот. Артемий Владимиров.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

«НАС ВДОХНОВЛЯЮТ ИМЕНА ВЕЛИКИХ ПРЕДКОВ»

Нынешний год особенный. Поддержав инициативу министров МИД стран Содружества Независимых Государств, **Международная Академия русской словесности МАРС-Австралия объявила 2023 год Всемирным годом русского языка**. Настоящий конкурс проводится в поддержку этой акции на бесплатной основе среди детей и взрослых всего мира, говорящих и пишущих на русском языке. Кроме поэтов и литераторов, в конкурсе участвуют мастера художественной фотографии, живописи, изобразительного и прикладного искусства, музыкальные и хоровые коллективы и исполнители. Главная задача конкурса – популяризация русского языка, современной русской литературы, русской народной культуры в Австралии и за рубежом, открытие новых имён среди творчески одарённых соотечественников.

По просьбам участников уже прошедших международных проектов Академии впервые в конкурс введена номинация «Фантастика». МАРС-Австралия посвящает её 140-летию со дня рождения Алексея Николаевича Толстого, великого русского и советского писателя, широко знакомого в России и за рубежом, особенно в эмигрантских кругах, благодаря романам «Петр Первый», «Хождение по мукам», «Гиперболоид инженера Гарина» и другим литературным полотнам. Его известнейшему фантастическому роману «Аэлита» о любви девушки-марсианки и инженера-землянина в прошлом году исполнилось сто лет. Как детский писатель Алексей Толстой запомнился своими сказками «Золотой ключик, или приключения Буратино», «Иван да Марья», «Иван-царевич и Алая-Алица» и многими другими. В конкурсную номинацию для детей «Сочинение на заданную тему» включены несколько вопросов о творчестве Алексея Толстого, которые будет интересно исследовать юным участникам в своих сочинениях.

Международный историко-литературный, творческий конкурс получил название **«НАС ВДОХНОВЛЯЮТ ИМЕНА ВЕЛИКИХ ПРЕДКОВ»**. Новый крупномасштабный проект Академии географически охватывает Россию и 102 государства стран Русского Мира, где проживают российские соотечественники, включая Австралию, и посвящен юбилеям двух корифеев русского языка, прославившихся в отечественной истории как авторы государственных гимнов России. Оба – известнейшие поэты своего времени, родились в самодержавной Российской империи. 240 лет исполнилось Василию Андреевичу Жуковскому (1783–1852), автору двух редакций текста государственного гимна Российской империи «Боже, царя храни». В России и за рубежом широко отмечается 110 лет со дня рождения Сергея Владимировича Михалкова (1913-2009), автора трех редакций современного государственного гимна «Славься, Отечество наше свободное!».

Русский писатель, поэт, драматург, публицист, сценарист, баснописец, общественный деятель, военный корреспондент, актёр, лауреат многих премий и кавалер многих правительственных и международных наград С.В. Михалков писал чудесные стихи для детей, он автор многочисленных пьес для детей и взрослых, остроумных басен, создатель Всесоюзного сатирического киножурнала «Фитиль», который пользовался огромной популярностью. С 1970 по 1990 годы С.В. Михалков возглавлял Союз писателей РСФСР.

Конкурс проводится при поддержке Российского Фонда культуры, Ассамблеи народов Евразии, Международного Совета Российских Соотечественников, Союза Писателей России, Фонда «Русский Мир», Союза Деятелей Культуры Армении и других международных общественных организаций.

Состав и Номинации конкурса

1. **Международный историко-литературный конкурс (МИЛК)** проводится среди трёх категорий литераторов (возраст участников 18+):

- пишущих свои исторические, краеведческие, патриотические произведения об известных личностях, о малой родине и Отечестве, напоминающие читателям о важнейших духовных и общечеловеческих, семейных ценностях русского народа;

- пишущих свои художественные и развивающие произведения для детей и юношества;

- авторов-фантастов.

Учреждены три творческие номинации – проза, поэзия и документальный цикл.

2. Международный литературный конкурс для детей и юношества (в возрасте от 4-х до 18 лет), проводится в двух творческих номинациях:

- художественная видео-декламация произведений о Родине, родном крае, любимых животных и т. д., взятых на выбор или из творчества Василия Жуковского, Сергея Михалкова или Алексея Толстого;

- детское литературное творчество (проза, поэзия, документальный цикл, сочинение на

заданную тему, включая произведения в жанре фантастики);

3. Международный творческий конкурс «Прикладное искусство» для детей и взрослых (конкурс рисунков и художественных фотографий, включая произведения в жанре фантастики).

4. Международный творческий конкурс «Лейся песня на родных просторах» проводится для детей и взрослых на лучшее исполнение: сольное или в составе хоровых коллективов и ансамблей народной песни на русском языке.

5. Международный конкурс авторских видеороликов. Возрастная категория 14+.

Принимая участие в Международном историко-литературном и творческом конкурсе «НАС ВДОХНОВЛЯЮТ ИМЕНА ВЕЛИКИХ ПРЕДКОВ», давайте вспомним имена великих российских литераторов, их бессмертные произведения и труды. Давайте будем гордиться сами и передадим нашим детям, будущим поколениям русских людей гордость за свою великую историю и великий русский язык, сплотивший людей разных национальностей! Конкурсные работы принимаются по email: mars.australia@hotmail.com. Справки по телефону или WhatsApp +61 433 750 631. Подробную информацию и Положение о конкурсе Вы найдёте на сайте Международной Академии русской словесности МАРС-Австралия: mars-australia.com

Президиум Международной Академии русской словесности творческих успехов и побед всем участникам конкурса!

Мы все с детства хорошо помним: «Кто не знает дядю Стёпу? Дядя Стёпа всем знаком!» Победителям конкурса будут вручены специальные призы в виде фарфоровой статуэтки «Дядя Степа» и другие подарки от Российского Фонда культуры.